

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Ш. Изображение В. К. Плеве в ретродетektивах Николая Свечина // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73941 EDN: DPWKLV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73941

Изображение В. К. Плеве в ретродетективах Николая Свечина

Чжан Шичун

ORCID: 0009-0006-2519-4560

соискатель; Филологический факультет; Санкт-Петербургский государственный университет

199406, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

✉ aidazh@126.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73941

EDN:

DPWKLV

Дата направления статьи в редакцию:

02-04-2025

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является изображение образа В. К. Плеве в ретродетективах Николая Свечина. В статье рассматривается, как Свечин отражает историю поздней Российской империи через создание образа Плеве — крупного государственного деятеля, одного из ключевых хранителей монархических устоев и порядка в стране. Материалами исследования послужили детективные романы писателя, такие как «Между Амуром и Невой», «Выстрел на Большой Морской» и «Лучи смерти». Тексты этих произведений сопоставляются с документальными источниками, содержащими сведения о личности и деятельности Плеве, включая воспоминания или сочинения современников, а также исследовательские монографии историков. Выявляются соответствия и различия как в изображении личности Плеве, так и в интерпретации связанных с ним событий. Основными методами исследования в данной статье служат сравнительно-исторический метод и историко-генетический метод. Новизна исследования обусловлена тем, что в настоящее время отсутствуют серьезные работы, посвященные изображению образа знаменитых исторических фигур в ретродетективах Николая Свечина. Автор утверждает, что в изображении Плеве Свечин опирается на ряд текстов воспоминаний современников, таких, как С. Ю. Витте, А. А.

Лопухин и др. В то же время Свечин подвергает исторические источники упрощению, которое позволяет продемонстрировать нравственную безупречность Плева и представить его положительный образ как честного и способного чиновника. Конфронтация Плева с группировкой Дурново-Витте-Зубатова, соответственно, переосмысливается как борьба между «другом» главного героя с его врагами. Четкое разделение представителей добра и зла обеспечивает легкость чтения и понимания произведений писателя.

Ключевые слова:

Николай Свечин, В. К. Плева, ретродетектив, история, историческая проза, репрезентация истории, творчество Н. Свечина, сравнительно-исторический метод, историко-генетический метод, массовая литература

Введение

В историческом жанре, как справедливо отмечает В. С. Сергеева, «соотношение истории и вымысла всегда не случайно» [\[1, с. 152\]](#), и особое значение приобретает здесь цель, которую ставит перед собой автор: она определяет принцип отбора материалов и способы их интерпретации. Современное переосмысление отношений литературы и истории в рамках так называемого Нового историзма указывает на некую «однородность» текстов художественной исторической прозы и текстов документальных: писатель, как и историки, проводит своего рода исследование, собирая материалы и интерпретируя события. На этом фоне представляется, что при изучении произведений современной беллетристики, действие которых отнесено в прошлое, целесообразно привлечь, по словам Л. А. Трубиной, «более широкий интертекстуальный и междисциплинарный контекст» [\[2, с. 432\]](#), т. е. задействовать в исследовании обширный круг исторических источников.

Настоящая статья посвящена ретродетективам Николая Свечина, которые стали весьма востребованными среди читателей в последние годы. Эти произведения характеризуются, с одной стороны, стремлением к достоверному воспроизведению описываемой эпохи. Так, согласно Л. Данилкину, романы Свечина «запоминаются не столько криминальной фабулой, сколько удивительными, ни в каких учебниках не сыщешь, сведениями» [\[3, с. 149\]](#). К выводам о том, что в романах писателя первичную роль играет не столько детективный и приключенческий сюжет, сколько исторически-краеведческая составляющая в них, приходят и другие исследователи [\[4, 5\]](#).

С другой стороны, детективный жанр предполагает «жесткие жанрово-тематические каноны, <...> предлагающие определенную сюжетную схему и обладающие общностью тематики, устоявшимся набором действующих лиц или типов героев». «Каноническое начало и типовые шаблоны», по мнению М. А. Черняк, и «формируют "жанровое ожидание" читателя» [\[6, с. 4\]](#). Таким образом, несмотря на стремление писателя к исторической достоверности, изображение прошлого в его романах неизбежно беллетризуется и упрощается, подчиняясь канонам жанра.

Сравнивая тексты Свечина с их возможными историческими источниками, мы попытаемся выяснить, каким образом Николай Свечин оправдывает «жанровое ожидание» читателей, обеспечивая достоверность приведенных сведений об описываемой эпохе,

как он перерабатывает документальные материалы в целях приведения их в соответствие с поэтикой массовой литературы, которой, как правило, чужд анализ сложных моральных проблем.

Система персонажей в ретродетektивах Свечина строится на основе этой упрощенной поэтики, канонической для массовой литературы. Персонажей Свечина можно условно разделить на две группы: друзья и враги Алексея Лыкова. Рассмотрим образ одного из лыковских «друзей» – В. К. Плева.

Обсуждение

Образ министра впервые возникает в романе «Между Амуром и Невой» (в последующих изданиях роман назывался «Роковые числа» и «"Демон" преступного мира»), где Плева изображается почти как некий мифологический герой, который восстанавливает порядок из хаоса, ранее царившего в империи: «К этому времени в воцарившемся хаосе начали закладываться первые камни будущего порядка. 15 апреля директором Департамента государственной полиции <...> был назначен Вячеслав Константинович фон Плева. <...> Плева железной рукой быстро и эффективно начал наводить в империи порядок» [7, с. 25]. Будучи непосредственным начальником Благово, директор Департамента полиции оказывал огромную поддержку проводимым сыщиками операциям. В романе «Выстрел на Большой Морской» Плева изображается как начальник, умеющий ценить достоинства подчиненных и дающий им возможность развиваться. Главные герои относятся к начальнику с полным доверием: «За помощью, – приказал Благово Лыкову, – в случае необходимости, обращай только к Плеве. Больше никому не верь!» [8, с. 76]. В обоих романах постоянно подчеркивается ум Вячеслава Константиновича: «...умница Плева решил отделить его от уголовных арестантов раз и навсегда» [7, с. 398]; «Умный Плева не ошибся в своих опасениях» [8, с. 24]; «Подлетела пароконная коляска, остановилась, и из нее высунулось умное лицо Плева» [8, с. 369] и т. д.

Благородный образ Плева сохраняется и в романе «Лучи смерти», где центральная интрига – убийство профессора Филиппова – раскрывается на фоне борьбы между двумя крупными политическими деятелями эпохи Николая II: министром внутренних дел В. К. Плеве и министром финансов С. Ю. Витте.

В повествовании о политической обстановке в царской России в начале XX века, которое предшествует собственно детективному сюжету, рассказывается о том, как царь спрашивал у Витте и Победоносцева мнение о кандидатуре нового министра внутренних дел: кого выбрать – Плева или Д. С. Сипягина? Этот текст, по-видимому, заимствован из мемуаров Витте, который писал, что, по его мнению, Плева был человек безусловно умный и способный, однако без каких-либо убеждений; Сипягин был гораздо менее способный, но зато с убеждениями. Победоносцев в романе высказывается похожим образом, только резче: «...Плева – подлец, а Сипягин – дурак» [9, с. 377].

Витте, будучи врагом министра внутренних дел, был весьма невысокого мнения о личности Плева, признавая, однако, ум и способность чиновника. Так, в своих мемуарах Витте характеризует личность Плева следующим образом: «...очень умный агент тайной полиции, недурной юрист, оппортунист, поверхностно образованный, хитрый и ловкий карьерист-чиновник, вообще весьма неглупый, но без всякого государственного инстинкта» [9, с. 540]. Свои отношения с Плеве мемуарист описывает так: «Плева имел против меня личный зуб потому, что он думал, что я дважды помешал ему стать министром внутренних дел, он был злопамятен и мстителен. Мы с ним расходились и

относительно государственной политики (я не говорю по убеждениям, так как таковых он не имел) по большинству вопросов. Мое убеждение, что русский Государь должен опираться на народ. Плеве же считал, что Он должен опираться на дворянство» [\[9, с. 502\]](#).

Как мы видим, хотя Витте и утверждает, что у Плеве не было убеждений, он тут же приписывает ему консервативно-монархические взгляды, и противостояние теряет чисто личный характер. В отзывах других крупных деятелей также встречаются указания и на консерватизм, и на отсутствие взглядов у Плеве. Так, Е. М. Феоктистов высоко ценил его «значительный ум, громадную память и способность работать без отдыха», с одной стороны, но признавался, что «можно усомниться, чтобы Плеве относился с сердечным участием к чему-либо, кроме своих личных интересов» [\[10, с. 227\]](#), с другой.

В романе можно найти немало и других совпадений с текстом Витте. Так, в эпилоге автор рассказывает о том, как Плеве незадолго до своей гибели собирался донести о «сотрудничестве» Витте с революционерами и пишет, что «Вячеслав Константинович по уму и по духу являлся полицейским. И методы его были полицейские» [\[11, с. 366\]](#). Витте писал, что «так как он <Плеве. – Ч. Ш.> был лишь умный, культурный и бессовестный полицейский, то, конечно, он и не мог придумывать никаких мер для устранения этого общественного возмущения, кроме мер полицейских, мер силы или мер полицейской хитрости» [\[9, с. 509\]](#). В словах Плеве из разговора с Лыковым есть указание на антисемитские настроения министра внутренних дел: «Он <Витте. – Ч. Ш.> давно состоит на откупе у европейских жидов. Когда займы на биржах размещает. И сам по характеру жид» [\[11, с. 193\]](#). На антисемитизм министра намекает и Витте, рассказывая о своих разногласиях с Плеве по еврейскому вопросу: «Я не решусь сказать, что Плеве непосредственно устраивал эти погромы, но он не был против этого, по его мнению, антиреволюционного противодействия» [\[9, с. 509\]](#).

В реальной истории политика Плеве как министра внутренних дел не устраивала «ни значительную часть правящей элиты, ни либеральное общество, ни, разумеется, революционеров» [\[12, с. 202\]](#). Это обстоятельство упоминается в лыковском монологе: Плеве «действительно нарывался, восстановив против себя всех и вся» [\[11, с. 358\]](#).

Несмотря на то, что в самом начале романа «Лучи смерти» Плеве устами Победоносцева характеризуется как «подлец», в дальнейшем развитии сюжета Вячеслав Константинович предстает как персонаж сугубо положительный. Так, согласно Лыкову, Плеве, «при всей кажущейся суровости, очень трогательно заботился о своих сотрудниках, даже рядовых» [\[11, с. 18\]](#). Министр не только интересуется разногласиями Лыкова с его начальником А. А. Лопухиным и решает служебные проблемы своего верного подчиненного, но и распоряжается начислить пенсию матери погибшего во время полицейской операции поручика Белокопя. Жизнь Плеве находится под постоянной угрозой со стороны революционеров, однако министр проявляет мужество и остается верен долгу: «– Меня могут убить в любой момент. <...> – Не надо меня утешать, я не курсистка. Конечно, убьют! Вопрос в том, что я успею до этого сделать» [\[11, с. 21\]](#). Близкие министру люди, в том числе и Лыков, переживают за Плеве: «Понимаешь, как ему тяжело? Жить и постоянно ждать пули или бомбы...» [\[11, с. 117\]](#). Однако сам министр, несмотря на угрозы, остается трудолюбив и энергичен, самоотверженно работая ради интересов империи. Неприязнь Плеве к Витте была обусловлена не его карьерными поползновениями, как писал в мемуарах министр финансов, а заботой о судьбе государства: «– Витте скоро не

будет, – убежденно ответил Плеве. – Я уберу этого мерзавца из власти. Хватит ему губить страну» [\[11, с. 20\]](#).

В воспоминаниях о Плеве, написанных в апологетическом духе, можно найти много соответствий с этими моментами в романе. Так, его современник писал, что «на многих лиц, приходивших с ним в соприкосновение, Вячеслав Константинович производил обаятельное впечатление задушевною простотою обращения, всегдашнюю готовностью прийти на помощь и сердечною отзывчивостью на всякое истинное горе» [\[13, с. 45\]](#). О «золотом сердце» министра писали после его смерти в консервативных «Московских ведомостях»: «Сделать кому-либо добро было великою для него радостью, и он неоднократно говорил, что его высокое положение имело для него лишь одну привлекательную сторону – большую возможность делать добро» [\[13, с. 63\]](#). Реальный Плеве, если верить современникам, сохранял «постоянную уравновешенность духа» [\[13, с. 43\]](#) перед смертельными угрозами, и «близким ему людям больно было видеть, как он гнал от себя всякую мысль о личном будущем, а будущее это было для него близко и грозно» [\[13, с. 51\]](#). Плеве проявлял самоотверженность и бесстрашие в государственных делах: «Вячеслав Константинович <...> верил в высокое призвание русского народа и бесстрашно шел к осуществлению того, что считал благом России» [\[13, с. 43\]](#).

Вышесказанное позволяет говорить о некоем внутреннем конфликте в образе Плеве у Свечина. С одной стороны, будучи начальником главных героев, Плеве в основных сюжетах детективов неколебимо стоит на их стороне и предстает как персонаж из числа «друзей Алексея Лыкова». С другой стороны, Свечин, хорошо знакомый с различными источниками, не идеализирует личность Вячеслава Константиновича как государственного мученика, вставляя в текст своего исторического повествования эпизоды, рисующие различные темные стороны его биографии. Тем не менее в общих чертах образ Плеве у Свечина остается благородным. Сюжет романа «Лучи смерти» – и, в частности, эпизод с отставкой Зубатова и падением Витте – опровергает приведенное в начале романа суждение Победоносцева о «подлости» министра внутренних дел.

В реальной истории против Плеве активно действовал сам Витте, чья значимость в романе, однако, оказывается снижена. Лидером группы, выступающей против министра внутренних дел в романе Свечина становится Дурново, втайне управляющий ходом борьбы и превращающий министра финансов в «марионетку». Писатель, таким образом, прибавляет к историческому сюжету характерный для его детективов мотив борьбы между крупными сановниками: разоблачение закулисного интригана, который первоначально казался герою человеком нейтральным. Лыков, раскрывая истину об убийстве Филиппова, думает: «Но Дурново... Он уважал Петра Николаевича. Восемь лет Лыков прослужил под его началом. Никогда не возникало между ними недоразумений, это был выдающийся государственный деятель!» [\[11, с. 348\]](#).

Это отталкивание от реальной истории приводит к ряду несоответствий текста романа с историческими источниками. В реальной истории знаменитый провокатор Евно Азеф был связан с П. Н. Дурново только тем, что анонимно писал в Департамент полиции, предлагая сотрудничество, в то время, когда директором Департамента был Дурново. Отсутствуют свидетельства о том, что Петр Николаевич руководил провокационной деятельностью Азефа. Решение о принятии его в сотрудники было принято И. И. Петровым, который стал директором Департамента после отставки Дурново. Будучи учеником Зубатова, Азеф в начале 1900-х гг. оказался под руководством Плеве. В романе, однако, Азеф становится осведомителем, деятельностью которого

непосредственно руководит Дурново. Плеве не участвовал в провокации и, соответственно, стал невинной жертвой интриги против него. Правда, Свечин, зная о неясности реальных обстоятельств убийства Плеве, не указывает однозначно на причины, по которым Азеф организовал покушение. Тем не менее есть основания предполагать, что писатель намекает на то, что убийство Плеве было устроено Дурново. Петр Николаевич, как будто по неосторожности оговорившись, говорит Лыкову: «– <...> скоро Вячеславу Константиновичу конец. И тут же спохватился: – Я имею в виду отставку, а не смерть от бомбы террориста!» [11, с. 351]. В эпилоге, завершающем роман, писатель приводит именно ту версию покушения на Плеве, которая связана с Зубатовым: «По одной из версий, освед выполнил просьбу двух отставников – Зубатова и Рачковского. Оба долго «вели» его по службе, имели с провокатором личные отношения» [11, с. 367]. Азеф в романе был «осведом» не столько Зубатова, сколько самого Дурново. Когда Лыков понимает, что «Иван Николаевич» – это осведомитель Дурново (это происходит в беседе с последним), автор сразу в сноске объясняет читателю, что это один из псевдонимов знаменитого Евно Азефа. См.: [11, с. 352]. Детективно-приключенческий сюжет, таким образом, представляет читателям одну из возможностей реальной истории, которая усиливает конспирологический колорит текста.

Образ Плеве как честного полицейского и жертвы закулисных интриг углубляется за счет художественной переработки его реальных отношений с Зубатовым. Эксперименты Зубатова по внедрению так называемого «полицейского социализма» в исторической реальности получили поддержку со стороны Вячеслава Константиновича. Как утверждал ученик Зубатова А. И. Спиридович, Плеве «очень заинтересовался его проектами по рабочему вопросу <...> Зубатов не упустил, конечно, из виду развить перед новым министром идею, насколько неправ Витте, игнорирующий рабочий вопрос <...> И как только Зубатов был переведен в Петербург <...> ему было разрешено не только опекать уже созданное московское движение, но продолжать таковое же в Минске, ставить его в Одессе, Киеве и, самое главное, в Петербурге» [14, с. 81-82]. Зубатов при Плеве стал главным человеком в делах полицейского сыска: «...в сущности теперь вся полицейская часть, – говорил Плеве, – т. е. полицейское спокойствие государства, в руках Зубатова, на которого можно положиться» [9, с. 511]. Витте, известный как либерал, наоборот, считал, что «идея зубатовщины столь же проста, как и наивна» [9, с. 510]. Зная об отношении к себе министра финансов, Зубатов, согласно Витте, не стремился установить с ним каких-либо личных связей, оставаясь человеком Плеве. В романе, однако, связь Зубатова с Плеве не особо подчеркивается – он оказывается непосредственным подчиненным не Плеве, а Дурново (ради правдоподобия исторических сведений автор в конце романа мимоходом упомянул, что Плеве поддерживал «зубатовщину». См.: [11, с. 364]).

В связи с тем, что непосредственным начальником Зубатова в романе становится Дурново, подвергается переработке и причина вспыхнувшей вдруг неприязни Плеве к Зубатову. В реальной истории, так же, как пишет Свечин в романе, Плеве «в исключительно грубой форме» уволил Зубатова: «в присутствии товарища министра внутренних дел В. В. Валя, не предложив Зубатову сесть, не входя в подробные объяснения, потребовал от него немедленной передачи дел и отъезда из столицы» [15, с. 242-243]. Однако увольнение исторического Зубатова было в значительной степени связано с тем, что он изменил своему начальнику: Зубатов устроил вместе с Витте, врагом Плеве, интригу против своего покровителя. «Плеве простил бы ему неудачи с построением "полицейского социализма", но не интригу» [15, с. 243], – считает историк Ф.

М. Лурье. В романе же поведение Зубатова вызвало у Плеве резкую реакцию по другой причине: «Сергей Васильевич лишь по чину состоял в седьмом классе. Влияние его на внутреннюю политику было выше некоторых министров. Начальник Особого отдела Департамента полиции! Создатель новых охранных отделений, покрывших сетью все важные центры империи. Идеолог внутреннего осведомления и мастер тайного сыска. И вдруг подменяет собой министра, вынося смертный приговор революционеру...» [\[11, с. 357\]](#).

Здесь подчеркивается недовольство руководства самовольным решением Зубатова убить Филиппова, а также беспокойство, которое вызывает огромное влияние чиновника и его амбиции. Иными словами, неприязнь министра внутренних дел по отношению к Сергею Васильевичу исходит, по большому счету, из заботы о благе государства и о законности поведения своих подчиненных.

В романе сюжет об интриге против Плеве и увольнении Зубатова был заимствован в основном из воспоминаний А. А. Лопухина. Согласно мемуаристу, Зубатов подготовил письмо, в котором говорилось о том, что политика Плеве губительна для страны и что министром внутренних дел надо назначить вместо него Витте. «Это письмо Мещерский должен был передать Николаю II, – пишет Лопухин, – как голос народа, и убедить его последовать пути, этим голосом указываемому» [\[16\]](#). Тем не менее по неосторожности Зубатов посвятил в этот план Гуровича, и тот сообщил о письме Вячеславу Константиновичу. Плеве рассказал о готовящей интриге императору, что привело к падению Витте и увольнению Зубатова. Как пишет Лопухин, «во избежание нежелательных для правительства огласки и скандала он <Плеве. – Ч. Ш.> вынужден был связать наложенную на Зубатова кару с политикой последнего в рабочем вопросе» [\[16\]](#).

Интрига Витте-Зубатова-Мещерского против Плеве – это лишь одна из версий причины отставки Витте и Зубатова. Витте, например, вспоминает, как Зубатов, почувствовав опасность, обратился к нему в поисках защиты. Министр финансов, несмотря на давний конфликт с Плеве, однако, решил не вредить Зубатову и не рассказывать Плеве о беседе его с Зубатовым. Сергей Васильевич тогда отправился к князю В. П. Мещерскому за помощью, после чего Мещерский не только рассказал Плеве о мыслях Зубатова, но и сообщил, что тот был у Витте. «Это было достаточным поводом, – пишет министр финансов, – для того, чтобы Зубатова не только устранить от его места, но даже сослать в город Владимир» [\[9, с. 511\]](#).

Заметим также, что, по мнению Витте, меры, предпринятые Плеве по отношению к революционерам, привели министра внутренних дел к гибели.

Что касается отставки Витте с поста министра финансов, то согласно самому Витте, оно «объясняется почти исключительно» его несогласием с политикой на Дальнем Востоке, которая привела к Японской войне [\[9, с. 530\]](#). При этом Витте утверждает, что в его отставке Плеве играл значительную роль: «Я чуял, что во главе всего стоит Плеве, но он не демонстрировался. Когда он был убит и стали разбирать его кабинет, то оказалось, что все документы, касавшиеся дел Дальнего Востока, или в подлинниках или в копиях, очутились у него» [\[9, с. 562\]](#).

Таким образом, версия Лопухина отличается от версии Витте тем, что в ней Плеве выглядит относительно чистым и честным. Министр сам не устраивал интриг против своих врагов, а лишь дал им отпор. Выбирая версию Лопухина как материал для создания

текста о падении Зубатова и Витте, Свечин, с одной стороны, обеспечивает правдоподобность повествования о реальных фигурах в романе (интрига заимствована из исторических источников) и выразительность сюжета (автор выбирает именно версию с интригой). С другой стороны, он стремится к изображению положительного образа Плеве как честного полицейского, чью сторону и выбирает главный герой, неподкупный Алексей Лыков.

Отношения главного героя к врагам Плеве показаны у автора ретродетектива весьма ясно. О Зубатове Лыков отзывался как о некоем «предлагаемом противнике»: «Но тот же Зубатов – выдающийся мастер политического сыска, глупо это отрицать. Пусть он дуется на Лыкова, как мышь на крупу. Если умный – а он умный, – то быстро успокоится. Если амбиции возьмут верх, ну и черт с ним» [11, с. 52]. Что касается Витте, то Лыков, считая его человеком малоспособным в государственных делах, желал, чтобы Плеве победил в их борьбе: «– У меня есть сильный противник, вы знаете. Это Витте. И поездка с царской семьей очень важна. По ее итогам кто-то из нас двоих потеряет пост. Или он, или я. – Лучше бы он, – пробормотал сыщик» [11, с. 511]; «– Увольте от такого, – пробормотал сыщик. Потом до него дошло: – Но позвольте, какой же из Витте министр внутренних дел?!» [11, с. 353].

Однако Витте изображается в романе довольно упрощенно. Крупный государственный деятель конца XIX – начала XX века, Витте был, безусловно, сложной личностью. Взгляды министра в реальной истории претерпевали эволюцию (см.: например, суждение историков: «Как государственный деятель Витте отличался редким для представителей русской бюрократии качеством – он был прагматиком и обладал удивительной способностью радикальным образом изменять свои взгляды в зависимости от обстоятельств. Его прагматизм, граничивший с политиканством, часто шокировал современников» [17, с. 7-8]). В романе, однако, Витте предстает прежде всего коррупционером. Беседуя с Лыковым, чиновник не уговаривает Алексея, исходя из своих политических убеждений, а всего лишь старается подкупить собеседника: «Всем людям что-нибудь нужно. И вы не исключение. Чин, аренду, пособие – что желаете?» [11, с. 356]. Этот эпизод доказывает справедливость реплики Плеве о министре финансов: «Всех подкупает, настраивает против меня» [11, с. 193].

Конфронтация Плеве со своими врагами, таким образом, по сравнению с реальной историей, подвергается упрощению. Не вдаваясь в подробный рассказ о конфликтах сановников по поводу разных государственных вопросов, писатель изображает конфронтацию Плеве с группировкой Дурново-Зубатова-Витте как борьбу «друга» главного героя с его врагами, т. е. борьбу между честным, способным и самоотверженным государственным служащим с коррумпированными, корыстными чиновниками.

Заключение

Вышесказанное позволяет нам прийти к следующим выводам. Опираясь при создании художественного текста на обильные документальные материалы, Свечин предоставляет читателям весьма достоверные сведения о таком крупном политическом деятеле, как В. К. Плеве. В то же время писатель, исходя из свойственных массовой литературе ценностей, значительно упрощает образ министра, подчеркивая его нравственную безупречность и изображая его в качестве образцового честного чиновника, который, будучи несомненным «другом» главного героя, выступает в большинстве случаев в роли защитника добра.

Библиография

1. Сергеева В. С. История и вымысел в исторической прозе // Вестник славянских культур. 2016. № 4. С. 151-162. EDN: XDSHKX.
2. Трубина Л. А. Диалог литературы с историей в оценке современного литературоведения // Преподаватель XXI века. 2018. № 4-2. С. 429-443. EDN: VUBYJW.
3. Данилкин Л. Клудж. Книги. Люди. Путешествия. М.: РИПОЛклассик, 2016. 384 с.
4. Лапшина Д. С. Образ Нижнего Новгорода в историческом детективе Николая Свечина "Завещание Аввакума" // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности: Сборник статей по материалам VII Международной научной конференции. Минский университет, 2019. С. 110-116. EDN: WXVKYZ.
5. Юхнова И. С. Нижегородский детектив Николая Свечина // Духовная культура нижегородского региона: опыт системного описания: Коллективная монография / под ред. М. Г. Уртминцевой. Нижний Новгород, 2018. С. 161-165. EDN: MUUJRB.
6. Черняк М. А. Массовая литература конца XX – начала XXI века: технология или поэтика? // Филологический класс. 2008. № 20. С. 4-11. EDN: OOTWIR.
7. Свечин Н. Роковые числа. М.: Эксмо, 2022. 448 с.
8. Свечин Н. Выстрел на Большой Морской. М.: Эксмо, 2022. 384 с.
9. Витте С. Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2010. 1247 с.
10. Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896: Воспоминания. М.: Новости, 1991. 464 с.
11. Свечин Н. Лучи смерти. М.: Эксмо, 2023. 384 с.
12. Колпакиди А., Север А. Спецслужбы Российской Империи: Уникальная энциклопедия. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 768 с.
13. Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1904. 132 с.
14. Спиридович А. И. Записки жандарма. М.; Берлин: Директ-Медия, 2020. 204 с.
15. Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. СПб.: Час пик, 1992. 413 с.
16. Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний (по поводу "Воспоминаний" гр. С. Ю. Витте). URL: <https://doc20vek.ru/node/2290> (Дата обращения: 13.05.2024).
17. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 438 с. EDN: YUONWI.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Материал, к изучению которого обращается автор статьи «Изображение В. К. Плеве в ретродетективах Николая Свечина», представляет научный интерес и в плане обращения к творчеству писателя, который сумел найти свою форму детективного повествования, стал заметным явлением современной массовой литературы (его произведения активно публикуют столичные издательства, а рецензии на них появляются в таких российских изданиях, как «Российская газета», «Культура», «Профиль» и др., по его книгам снимаются фильмы, в Нижегородском театре комедии уже много лет с успехом идет спектакль «Сыщики»; появились и научные исследования о его творчестве), и в плане теоретического осмысления специфики массовой литературы как явления, принципов работы авторов, работающих в жанре ретродетектива, с историческим материалом.

Автор статьи очень точно обозначает научную проблему – анализ возможных исторических источников произведений Н. Свечина, которая приобретает особое значение на фоне заявлений самого писателя во время встречи с жителями Варнавино о том, что при создании своих произведений он в большей мере руководствуется вымыслом. Наблюдения автора статьи показывают, как трансформируется исторический источник в произведении массовой литературы, как интерпретируются факты, особенности личности реального исторического деятеля в повествовании, рассчитанном на массового читателя.

Цели, который ставил перед собой автор статьи, достигнуты. В работе осуществлен качественный исторический комментарий к произведениям Н. Свечина. Статья хорошо структурирована, с интересом читается. Она, конечно же, должна быть опубликована в журнале после некоторой доработки.

1. Автору статьи необходимо расширить библиографию. В списке литературы в основном указаны произведения Н. Свечина и лишь два исследования. Между тем работ, изучающих и специфику массовой литературы, и жанр детектива, множество. Они могли бы составить теоретическую базу данной статьи. Ритуальной ссылки на известное исследование М.А. Черняк явно недостаточно. Кроме того, творчество Н. Свечина также получило некоторое научное осмысление: есть статьи И.С. Юхновой, Е.М. Дзюбы, О.Ю. Осьмухиной, И.А. Митрофановой, в которых освещались в том числе и проблемы фактографии.

2. Необходимо отредактировать или исправить следующий фрагмент статьи: «... достоверность изображения истории, как он перерабатывает документальные материалы переработке в целях приведения их в соответствие с поэтикой массовой литературы...»

3. Необходимо оформить правильно цитаты (поставить кавычки, «подтянуть» цитату к словам автора):

Свои отношения с Плеве мемуарист описывает так:

Плеве имел против меня личный зуб потому, что он думал, что я дважды помешал ему стать министром внутренних дел, он был злопамятен и мстителен. Мы с ним расходились и относительно государственной политики (я не говорю по убеждениям, так как таковых он не имел) по большинству вопросов. Мое убеждение, что русский Государь должен опираться на народ. Плеве же считал, что Он должен опираться на дворянство. [4, с. 502]

Лыков, раскрывая истину об убийстве Филиппова, думает:

Но Дурново... Он уважал Петра Николаевича. Восемь лет Лыков прослужил под его началом. Никогда не возникало между ними недоразумений, это был выдающийся государственный деятель! [6, с. 348]

В эпилоге, завершающем роман, писатель приводит именно ту версию покушения на Плеве, которая связана с Зубатовым:

По одной из версий, освед выполнил просьбу двух отставников – Зубатова и Рачковского. Оба долго «вели» его по службе, имели с провокатором личные отношения. [6, с. 367]

В романе же поведение Зубатова вызвало у Плеве резкую реакцию по другой причине: Сергей Васильевич лишь по чину состоял в седьмом классе. Влияние его на внутреннюю политику было выше некоторых министров. Начальник Особого отдела Департамента полиции! Создатель новых охранных отделений, покрывших сеть все важные центры империи. Идеолог внутреннего осведомления и мастер тайного сыска. И вдруг подменяет собой министра, вынося смертный приговор революционеру... [6, с. 357].

4. Выделить деепричастный оборот в предложении «Зная об отношении к себе министра финансов Зубатов...»

5. Уточняющее предложение надо начать с маленькой буквы: «...Дурново (Ради правдоподобия...»

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает изображение В. К. Плеве в ретродетektивах Николая Свечина. Актуальность работы аргументируется тем, что ретродетективы Николая Свечина стали весьма востребованными среди читателей в последние годы. Несмотря на стремление писателя к исторической достоверности, изображение прошлого в его романах неизбежно беллетризуется и упрощается, подчиняясь канонам жанра. В настоящем исследовании автор(ы), сравнивая тексты Свечина с их возможными историческими источниками, предпринимают попытку выяснить, «каким образом Николай Свечин оправдывает «жанровое ожидание» читателей, обеспечивая достоверность приведенных сведений об описываемой эпохе, как он перерабатывает документальные материалы в целях приведения их в соответствие с поэтикой массовой литературы, которой, как правило, чужд анализ сложных моральных проблем».

Теоретической основой исследования обоснованно выступили труды таких российских ученых, как М. А. Черняк, И. С. Юхнова, Д. С. Лапшина, Л. А. Трубина, В. С. Сергеева и др., посвященные исторической прозе и анализу исторических детективов Николая Свечина. Библиография составляет 17 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Обращаем внимание на то, что автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Методология исследования определена целью и поставленным задачам и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения, литературоведческий и художественный анализ, текстуально-герменевтический анализ произведений, а также сравнительно-исторический и историко-генетический методы и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулированы обоснованные выводы о том, что при создании художественных текстов Свечин, «опираясь на обильные документальные материалы, предоставляет читателям весьма достоверные сведения о таком крупном политическом деятеле, как В. К. Плеве». В то же время писатель, «исходя из свойственных массовой литературе ценностей, значительно упрощает образ министра, подчеркивая его нравственную безупречность и изображая его в качестве образцового честного чиновника, который, будучи несомненным «другом» главного героя, выступает в большинстве случаев в роли защитника добра».

Проведенное исследование имеет теоретическую значимость, которая определяется его вкладом в изучение исторической прозы и ретродетективов Николая Свечина, расширяет представление об идиостиле писателя и специфике интерпретации исторических событий и деятелей в текстах его художественной исторической прозы. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее

результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы; стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных творчеству и идиостилю Н. Свечина и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».